

Во славном во Киеве-городе
Был сильныя славныя богатырь Илья Муромец,
Он ездил далече-далече во чистом поли,
Он ездил много времени.
Цветно платье его истаскалося,
Золота казна у него издержалася.
Приезжает во Киев-град,
Захотел он с пути, с дорожки опохмелиться;
Приходит он во царев кабак,
Говорит чумакам-целовальникам:
«А й вы, братцы, чумаки-целовальники!
Я ездил долго в чистом поле,
Цветно платье у меня истаскалося,
Золотая казна у меня издержалася,
Я желаю теперь с пути опохмелиться,
Со своими людьми познакомиться.
Вы позвольте мне три бочки сороковые
Зелена вина безденежно».
Говорят чумаки-целовальники:
«А й ты, старая собака, седатый пес!

Да не дадим мы без денег зелена вина».
Да не много-то Илья у них спрашивал,
Да не много с нима разговаривал.
Приходил он ко подвалу кабачному,
Он пинал правой ногой во двери подвальные,
Брал он бочку сороковую под пазуху,
Да другую брал под другую,
Третью бочку он ногой катил,
Выходил Илья да на зеленый лут,
Закричал он во всю голову человичию,
Во всю силу свою богатырскую,
Он зычным громким голосом:
«А и вы, братцы мои пьяницы,
Да вы голи кабацкие,
Кабацкие голи, мужички деревенские!
Вы пожалуйста ко мне на зеленый лут,
Да вы пейте у меня зелена вина допьяна,
Да вы молитесь Бога за старого».
Да собирались пьяницы, голи кабацкие,
Мужики деревенские на зеленый лут,

Они пили вино да и безденежно.

Да чумаки-целовальники

Не могли у Ильи отнять зелена вина.

Да Илья-то Муромец скидал с себя шубу соболиную,

Обливал эту шубу зеленым вином,

Сам волочил по лужечку зеленому,

Он ко шубе приговаривал;

«Уливайся, моя шуба, зеленым вином.

Сулит ли мне Бог волочить собаку царя Калина

Да по этому лужочку зеленому,

А ему от моих белых рук плакати».

Услыхали эти речи чумаки-целовальники,

Приходили ко князю Владимиру,

Они били челом, низко кланялись:

«Да уж ты, наш свет-государь-де Владимир-князь!

Да мы не знаем, у нас вчера какое чудо сотворилось,

Да не знаем, кто пришел:

А черт ли пришел, али водяной пришел

К нам на царев кабак.

Он просил зелена вина безденежно

Три бочки сороковые,
А мы безденежно ему вино не дали.
Да он не много у нас спрашивал,
Да не горазно с нами разговаривал,
Шел ко подвалу кабачному,
Он пинал-де во двери подвальные правой ногой,
Брал он бочку сороковую под пазуху,
А другую брал бочку под другую
Да третью бочку ногой катил.
Да й выходил он, сударь, на зеленый луг,
Закричал-де он громким голосом,
Во всю голову человеческу,
Во всю силу свою богатырскую:
«А й вы, братцы мои, вы, товарищи,
Пьяницы, голи кабацкие,
Мужички деревенские!
Вы пожалуйста ко мне на зеленый луг,
Да вы пейте у мня зелена вина безденежно».
Приходили тут пьяницы, голи кабацкие,
На зеленый луг,

Распоил он вино им безденежно,
Да скинул с себя шубу соболиную,
Да уливал эту шубу зеленым вином,
Да й волочил по лужочку зеленому,
Да он ко шубе приговаривал:

«Да уливайся, моя шуба, зеленым вином,
Да сулит ли мне Бог волочить собаку князя Владимира
Да по этому лугу зеленому».

Да нам нечем, сударь, Владимир-князь,
Нечем буде за вино расчет держать».

Воскричал князь Владимир стольнокиевский
Своим громким голосом:

«Посадить его в погреб глубокие,
В глубоок погреб да сорока сажен.

Не дать ему ни пить, ни есть да ровно сорок дней,
Да пусть он помрет, собака, и с голоду».

Как узнала про это честная вдовица княгиня
Апраксия,

Что посажен Илья Муромец да во глубоок погреб,
Она сделала подкопъ ту тайную

Да во тот ли погреб глубокие,
Кормила, поила Илью ровно сорок дней.

* * *

Как Владимир-князь да стольнокиевский
Поразгневался на старого казака Илью Муромца,
Засадил его во погреб во холодньш
Да на три-то года поры-времени.
А у славного у князя у Владимира
Была дочь да одинакая;
Она видит, – это дело есць немалое,
А что посадил Владимир-князь да стольнокиевский
Старого казака Илью Муромца
В тот во погреб во холодныйи,
А он мог бы постоять один за веру, за отечество,
Мог бы постоять один за Киев-град,
Мог бы постоять один за церкви за соборные,
Мог бы побережь он князя да Владимира,
Мог бы побережь Опраксу-королевичну.

Приказала сделать да ключи поддельные,
Положила-то людей да потаенных,
Приказала-то на погреб на холодный
Да снести перины да подушечки пуховые,
Одеяла приказала снести теплые,
Она ествушку поставить да хорошую
И одежду сменять с нова на ново
Тому старому казаку Илье Муромцу,
А Владимир-князь про то не ведает.

И вспылал-то тут собака Калин-царь на Киев-град:
И хочет он розорить да стольный Киев-град,
Чернедь-мужичков он всех повырубить,
Божьи церквы все на дым спустить,
Князю-то Владимиру да голова срубить,
Да со той Опраксой-королевичной.
Посылает-то собака Калин-царь посланника,
А посланника во стольный Киев-град,
И дает ему он грамоту посыльную,
И посланнику-то он наказывал:
«Как поедешь ты во стольный Киев-град,

Будесть ты, посланник, в стольнем во Киеве

Да у славного у князя у Владимира,

Будесть на его на широком дворе,

И сойдешь как тут ты со добра коня,

Да й спущай коня ты на посыльный двор,

Сам поди-тко во палату белокаменну,

Да пройдешь палатой белокаменной,

Да й войдешь в его столовую во горенку,

На пяту ты дверь да поразмахивай,

Не снимай-ка кивера с головушки,

Подходи-ка ты ко столику к дубовому,

Становись-ка супротив князя Владимира,

Полагай-ка грамоту на золот стол,

Говори-тко князю ты Владимиру:

«Ты Владимир-князь да стольнокиевский,

Ты бери-тко грамоту посыльную

Да смотри, что в грамоте написано,

Да гляди, что в грамоте да напечатано;

Очищай-ка ты все улички стрелецкие,

Все великие дворы да княженецкие,

По всему-то городу по Киеву,
А по всем по улицам широким
Да по всем-то переулкам княженецким
Наставь сладких хмельных напитков,
Чтоб стояли бочка о бочку близко-по-близку,
Чтобы было у чего стоять собаке царю Калину
Со своими-то войсками со великима
Во твоём во городе во Киеве».
То Владимир-князь да стольнокиевский
Брал-то книгу он посольную,
Да и грамоту ту распечатывал,
И смотрел, что в грамоте написано,
И смотрел, что в грамоте да напечатано,
И что велено очистить улицы стрелецкие
И большие дворы княженецкие,
Да наставить сладких хмельных напитков
– А по всем по улицам широким
Да по всем-то переулкам княженецким.
Тут Владимир-князь да стольнокиевский
Видит – есть это дело не малое,

А не мало дело-то, великое;
А сажился-то Владимир-князь да на черленый стул,
Да писал-то ведь он грамоту повинную:
«Ай же ты, собака да и Калин-царь!
Дай-ка мне ты поры-времечки на три году,
На три году дай и на три месяца,
На три месяца да еще на три дня,
Мне очистить улицы стрелецкие,
Все великие дворы да княжецкие,
Накурить мне сладких хмельных напитков,
Да й наставить по всему-то городу по Киеву,
Да й по всем по улицам широкими,
По всем славным переулкам княженецкиим».
Отсылает эту грамоту повинную,
Отсылает ко собаке царю Калину;
А й собака тот да Калин-царь
Дал ему он поры-времечки на три году,
На три году дал и на три месяца,
На три месяца да еще на три дня.
Еще день за день ведь – как и дождь дождит,

А неделя за неделей – как река бежит;
Прошло поры-времечки да три году,
А три году да три месяца,
А три месяца и еще три-то дня;
Тут подъехал ведь собака Калин-царь,
Он подъехал ведь под Киев-град
Со своими со войсками со великими.
Тут Владимир-князь да стольнокиевский
Он по горенке да стал похаживать,
С ясных очушек он ронит слезы ведь горючие,
Шелковым платком князь утирается,
Говорит Владимир-князь да таковы слова:
«Нет жива-то старого казака Ильи Муромца;
Некому стоять теперь за веру, за отечество,
Некому стоять за церкви ведь за Божие,
Некому стоять-то ведь за Киев-град,
Да ведь некому сберечь князя Владимира
Да и той Опраксы-королевичной!»
Говорит ему любима дочь да таковы слова:
«Ай ты, батюшко Владимир-князь наш
стольнокиевский!

Ведь есть жив-то старьи казак да Илья Муромец;

Ведь он жив на погребѣ холодномъ».

Тут Владимир-князь-от стольнокиевский

Он скорешенько берет за золоты ключи

Да идет на погреб на холодныи,

Отмыкает он скоренько погреб да холодныи

Да подходит ко решеткам ко железным,

Растворил-то он решетки да железные:

Да там старьи казак да Илья Муромец,

Он во погребѣ сидит-то, сам не старится;

Там перинушки-подушечки пуховые,

Одеяла снесены там теплые,

Ествушка поставлена хорошая,

А одежица на нем да живет сменная.

Он берет его за ручушки за белые,

За его за перстни за злаченые,

Выводил его со погребѣ холодного,

Приводил его в палату белокаменну,

Становил-то он Илью да супротив себя,

Целовал в уста его сахарные,

Заводил его за столики дубовые,
Да садил Илью-то он подли себя,
И кормил его да ествушкой сахарнею,
Да поил-то питьицем медвянымим,
И говорил-то он Илье да таковы слова:
«Ай же старьи казак да Илья Муромец!
Наш-то Киев-град нынь в полону стоит,
Обошел собака Калин-царь наш Киев-град
Со своима со войсками со великими.
А постой-ка ты за веру, за отечество,
А постой-ка ты за славный Киев-град,
Да постой за матушки Божьи церкви,
Да постой-ка ты за князя за Владимира,
Да постой-ка за Опраксу-королевичну!»
Так тут старьи казак да Илья Муромец
Выходил он с палаты белокаменной,
Шел по городу он да по Киеву,
Заходил в свою палату белокаменну,
Да спросил-то как он паробка любимого,
Шел со паробком да со любимымим

А на свой на славный на широкий двор,
Заходил он во конюшенку в стоялую,
Посмотрел добра коня он богатырского.

Говорил Илья да таковы слова:
«Ай же ты, мой паробок любимыи,
Верный ты слуга мой безыменныи,
Хорошо держал моего коня ты богатырского!»

Целовал его он во уста сахарные,
Выводил добра коня с конюшенки стоялыи
А й на тот на славный на широкий двор.
А й тут старыи казак да Илья Муромец
Стал добра коня тут он заседлывать:
На коня накладывает потничек,
А на потничек накладывает войлочек;
Потничек он клал да ведь шелковенький,
А на потничек подкладывал подпотничек,
На подпотничек седелко клал черкасское,
А черкасское седельшко недержано;
А подтягивал двенадцать подпругов шелковых,
А шпилечики он втягивал булатные,

А стремяночки покладывал булатные,
Пряжечки покладывал он красна золота,
Да не для красы-угожества,
Ради крепости всё богатырской:
Еще подпруги шелковы тянутся, да они не рвутся,
Да булат-железо гнется, не ломается,
Пряжечки-ты красна золота,
Они мокнут, да не ржавеют.
И сажился тут Илья да на добра коня,
Брал с собой доспехи крепки богатырские:
Во-первых, брал палицу булатную,
Во-вторых, брал копье боржамецкое,
А еще брал свою саблю вострую,
А й еще брал шалыгу подорожную,
И поехал он из города из Киева.
Выехал Илья да во чисто поле,
И подъехал он ко войскам ко татарским –
Посмотреть на войска на татарские:
Нагнано-то силы много множество,
Как от покрику от человеческого,

Как от ржанья лошадиного
Унывает сердце человеческо.

Тут старьи казак да Илья Муромец
Он поехал по раздольицу чисту полю,
Не мог конца-краю силушки наехати.

Он повыскочил на гору на высокую,
Посмотрел на все на три-четыре стороны,
Посмотрел на силушку татарскую –
Конца-краю силы насмотреть не мог.

И повыскочил он на гору на другую,
Посмотрел на все на три-четыре стороны –
Конца-краю силы насмотреть не мог.

Он спустился с той со горы со высокии,
Да он ехал по раздольицу чисту полю
И повыскочил на третью гору на высокую,
Посмотрел-то под восточную ведь сторону,
Насмотрел он под восточной стороной,
Насмотрел он там шатры белы
И у белых шатров-то кони богатырские.
Он спустился с той с горы высокии

И поехал по раздольицу чисту полю;
Приезжал Илья к шатрам ко белым,
Как сходил Илья да со добра коня
Да у тех шатров у белых,
А там стоят кони богатырские,
У того ли полотна стоят у белого,
Они зоблют-то пшену да белоярову.
Говорит Илья да таковы слова:
«Поотведать мне-ка счастья великого».
Он накинул поводы шелковые
На добра коня да й богатырского
Да спустил коня ко полотну ко белому:
«А й допустят ли то кони богатырские
Моего коня да богатырского
Ко тому ли полотну ко белому –
Позобать пшену да белоярову?»
Его добрый конь идет-то грудью к полотну,
А идет зобать пшену да белоярову;
Старый казак да Илья Муромец
А идет он да во бел шатер.

Приходит Илья Муромец во бел шатер;
В том белом шатре двенадцать-то богатырей,
И богатыри все святорусские;
Они сели хлеба-соли кушати,
А и сели-то они да пообедати.
Говорит Илья да таковы слова:
«Хлеб да соль, богатыри да святорусские,
А и крестный ты мой батюшка,
А й Самсон да ты Самойлович!»
Говорит ему да крестный батюшка:
«А й поди ты, крестничек любимый,
Старый казак да Илья Муромец,
А садись-ка с нами пообедати».
И он выстал ли да на резвы ноги,
С Ильей Муромцем да поздоровкались,
Поздоровкались они да целовались,
Посадили Илью Муромца да за единый стол -
Хлеба-соли да покушати.
Их двенадцать-то богатырей,
Илья Муромец да он тринадцатый.

Они поели, попили, пообедали,
Выходили с-за стола из-за дубового,
Они Господу Богу помолилися.

Говорит им старый казак да Илья Муромец:
«Крестный ты мой батюшка Самсон Самойлович

И вы, русские могучие богатыри!

Вы седлайте-тко добрых коней,
А й садитесь вы да на добрых коней,
Поезжайте-тко да во раздольице чисто поле,
А й под тот под славный стольный Киев-град.

Как под нашим-то под городом под Киевом

А стоит собака Калин-царь,

А стоит со войсками великима,

Разорить хочет он стольный Киев-град,

Чернедь-мужиков он всех повырубить,

Божьи церкви все на дым спустить,

Князю-то Владимиру да со Опраксой-королевичной

Он срубить-то хочет буйны головы.

Вы постойте-тко за веру, за отечество,

Вы постойте-тко за славный стольный Киев-град;

Вы постоит-тко за церквы-ты за Божие,
Вы поберегите-тко князя Владимира
И со той Опраксой-королевичной!»
Говорит ему Самсон Самойлович:
«Ай же крестничек ты мой любимый,
Старый казак да Илья Муромец!
А й не будем мы да и коней седлать,
И не будем мы садиться на добрых коней,
Не поедем мы во славно во чисто поле,
Да не будем мы стоять за веру, за отечество,
Да не будем мы стоять за стольный Киев-град;
Да не будем мы стоять за матушки Божьи церкви,
Да не будем мы беречь князя Владимира
Да еще с Опраксой-королевичной:
У него ведь есте много да князей, бояр,
Кормит их и поит да и жалует,
Ничего нам нет от князя от Владимира».
Говорит-то старый казак да Илья Муромец:
«Ай же ты, мой крестный батюшка,
А й Самсон да ты Самойлович!

Это дело у нас будет нехорошее,
Как собака Калин-царь он разорит да Киев-град,
Да он чернедь-мужиков-то всех повырубит,
Да он Божьи церкви все на дым спустит,
Да князю Владимиру с Опраксой-королевичной
А он срубит им да буйные головушки.

Вы седлайте-тко добрых коней,
И садитесь-ка вы на добрых коней,
Поезжайте-тко в чисто поле под Киев-град,
И постойте вы за веру, за отечество,
И постойте вы за славный стольный Киев-град;
И постойте вы за церкви-ты за Божие,
Вы поберегите-тко князя Владимира
И со той с Опраксой-королевичной».

Говорит Самсон Самойлович да таковы слова:

«Ай же крестничек ты мой любимый,
Старый казак да Илья Муромец!
А й не будем мы да и коней седлать,
И не будем мы садиться на добрых коней,
Не поедем мы во славно во чисто поле,

Да и не будем мы стоять за веру, за отечество,
Да не будем мы стоять за стольный Киев-град;
Да не будем мы стоять за матушки Божьи церкви,
Да не будем мы беречь князя Владимира
Да еще с Опраксой-королевичной:
У него ведь есте много да князей, бояр,
Кормит их и поит да к жалует,
Ничего нам нет от князя от Владимира».
Говорит-то старый казак да Илья Муромец:
«Ай же ты, мой крестный батюшка,
Ай Самсон да ты Самойлович!
Это дело у нас будет нехорошее.
Вы седлайте-тко добрых коней,
И садитесь-тко вы на добрых коней,
Поезжайте-тко во чисто поле под Киев-град,
И постойте вы за веру, за отечество,
И постойте вы за славный стольный Киев-град;
И постойте вы за церкви-ты за Божие,
Вы поберегите-тко князя Владимира
И со той с Опраксой-королевичной».

Говорит ему Самсон Самойлович:
«Ай же крестничек ты мой любимый,
Старый казак да Илья Муромец!
А й не будем мы да и коней седлать,
И не будем мы садиться на добрых коней,
Не поедем мы во славно во чисто поле,
Да не будем мы стоять за веру, за отечество,
Да не будем мы стоять за стольный Киев-град;
Да не будем мы стоять за матушки Божьи церкви,
Да не будем мы беречь князя Владимира
Да еще с Опраксой-королевичной:
У него ведь есте много да князей, бояр,
Кормит их и поит да и жалует,
Ничего нам нет от князя от Владимира».
А й тут старый казак да Илья Муромец
Он как видит, что дело ему не по-люби,
А й выходит-то Илья да со бела шатра,
Приходил к добру коню да богатырскому,
Брал его за поводы шелковые,
Отводил от полотна от белого,

А от той пшены от белояровой;
Да сажился Илья на добра коня,
То он ехал по раздольицу чисту полю,
И подъехал он ко войскам ко татарским.
Не ясен сокол да напускает на гусей, на лебедей
Да на малых перелетных на серых утушек,
Напускает-то богатырь святорусский
А на тую ли на силу на татарскую.
Он спустил коня да богатырского
Да поехал ли по той по силушке татарской,
Стал он силушку конем топтать,
Стал конем топтать, копьём колоть,
Стал он бить ту силушку великую,
А он силу бьет – будто траву косит.
Его добрый конь да богатырский
Испроvecился языком человеческим:
«Ай же славный богатырь святорусский!
Хоть ты наступил на силу на великую,
Не побить тебе той силушки великии:
Нагнано у собаки царя Калина,

Нагнано той силы много множество,
И у него есте сильные богатыри,
Поляницы есте да удалые.
У него, собаки царя Калина,
Сделаны-то трои ведь подкопы да глубокие
Да во славном раздольице чистом поле.
Когда будешь ездить по тому раздольицу чисту полю,
Будешь бить-то силу ту великую,
Как просядем мы в подкопы во глубокие,
Так из первых подкопов я повыскочу,
Да тебя оттуль-то я повыздыну;
Как просядем мы в подкопы-то во другие,
И оттуль-то я повыскочу,
И тебя оттуль-то я повыздыну;
Еще в третии подкопы во глубокие,
А ведь тут-то я повыскочу,
Да оттуль тебя-то не повыздыну,
Ты останешься в подкопах во глубоких».
А й ще старый казак да Илья Муромец,
Ему дело то ведь не слубилося,

И берет он плетку шелкову в белы руки,
А он бьет коня да по крутым ребрам,
Говорил он коню таковы слова:
«Ай же ты, собачище изменное!
Я тебя кормлю-пою да и улаживаю,
А ты хочешь меня оставить во чистом поли,
Да во тых подкопах во глубоких!»
И поехал Илья по раздольицу чисту полю,
Во тую во силушку великую,
Стал конем топтать да и копьем колоть,
И он бьет-то силу, как траву косит, -
У Ильи-то сила не уменьшится.
Й он просел в подкопы во глубокие,
Его добрый конь оттуль повыскочил,
Он повыскочил, Илью оттуль повыздынул.
Й он спустил коня да богатырского
По тому раздольицу чисту полю,
Во тую во силушку великую,
Стал конем топтать да и копьем колоть;
И он бьет-то силу, как траву косит, -

У Ильи-то сила меньше ведь не ставится,
На добром коне сидит Илья, не старится.
Й он просел с конем да богатырским,
Й он попал в подкопы-ты во другие;
Его добрый конь оттуль повыскочил
Да Илью оттуль повыздынул.
Й он спустил коня да богатырского
По тому раздольицу чисту полю,
Во тую во силушку великую,
Стал конем топтать да и копьем колоть;
Й он бьет-то силу, как траву косит, -
У Ильи-то сила меньше ведь не ставится,
На добром коне сидит Илья, не старится.
Й он попал в подкопы-ты во третьи,
Он просел с конем в подкопы-ты глубокие;
Его добрый конь да богатырский
Еще с третьих подкопов он повыскочил,
Да оттуль Ильи он не повыздынул,
Сголзанул Илья да со добра коня,
Й оставался он в подкопе во глубоком.

Да пришли татара-ты поганые,
Да хотели захватить они добра коня;
Его конь-то богатырский
Не сдался им во белы руки,
Убежал-то добрый конь да во чисто поле.

Тут пришли татара-ты поганые
А нападали на старого казака Илью Муромца,
А й сковали ему ножки резвые,
И связали ему ручки белые.

Говорили-то татары таковы слова:
«Отрубить ему да буйную головушку!»
Говорят ины татара таковы слова:
«Ай не надо рубить ему буйной головы,
Мыведем Илью к собаке царю Калину,
Что он хочет, то над ним да сделает».

Повели Илью да по чисту полю
А ко тым палаткам полотняным,
Приводили ко палатке полотняной,
Привели его к собаке царю Калину,
Становили супротив собаки царя Калина.

Говорили татару таковы слова:

«Ай же ты, собака да наш Калин-царь!

Захватили мы старого казака Илью Муромца

Да во тых-то во подкопах во глубоких

И привели к тебе, к собаке царю Калину;

Что ты знаешь, то над ним и делаешь».

Тут собака Калин-царь говорил Илье

да таковы слова: «Ай ты, старьи казак да Илья
Муромец!

Молодой щенок да напустил на силу на великую,

Тебе где-то одному побить моя сила великая!

Вы раскуйте-тко Илье да ножки резвые,

Развяжите-тко Илье да ручки белые».

И расковали ему ножки резвые,

Развязали ему ручки белые.

Говорил собака Калин-царь да таковы слова:

«Ай же старьи казак да Илья Муромец!

Да садись-ка ты со мной а за единый стол,

Ешь-ка ествушку мою сахарную

Да и пей-ка мои питыица медвяные,

И одежь-ка ты мою одежду драгоценную

И держи-тко мою золоту казну,
Золоту казну держи по надобью;
Не служи-тко ты князю Владимиру,
Да служи-тко ты собаке царю Калину».

Говорил Илья да таковы слова:
«А й не сяду я с тобой да за единый стол,
Не буду есть твоих ествушек сахарных,
Не буду пить твоих питицев медвяных,
Не буду носить твоей одежи драгоценны,
Не буду держать твоей бессчетной золотой казны,
Не буду служить тебе, собаке царю Калину,
Еще буду служить я за веру, за отечество,
А и буду стоять за стольный Киев-град,
А буду стоять за церкви за Господние,
А буду стоять за князя за Владимира
И со той Опраксой-королевичной».
Тут старой казак да Илья Муромец
Он выходит со палатки полотняной
Да ушел в раздольице в чисто поле.
Да теснить стали его татары-поганые,

Хотят обневолить они старого казака
Илью Муромца.

А у старого казака Ильи Муромца
При себе да не случилось-то доспехов крепких,
Нечем-то ему с татарами да попротивиться.

Старый казак да Илья Муромец
Видит он дело немалое;

Да схватил татарина он за ноги,
Тако стал татарин помахивать,
Стал он бить татар татарин,

И от него татары стали бегать,
И прошел он сквозь всю силушку татарскую,

Вышел он в раздольище чисто поле,
Да он бросил-то татарина да в сторону,
То идет он по раздольищу чисту полю.

При себе-то нет коня да богатырского,
При себе-то нет доспехов крепких.

Засвистал в свисток Илья он богатырский,
Услыхал его добрый конь да во чистом поле,
Прибежал он к старому казаку Илье Муромцу.

Еще старьи казак да Илья Муромец
Как сажился он да на добра коня
И поехал по раздольицу чисту полю,
Выскочил он да на гору на высокую,
Посмотрел-то под восточную он сторону:
А й под той ли под восточной под сторонешкой,
А й у тых ли у шатров у белых
Стоят добры кони богатырские.
А тут старый-от казак да Илья Муромец
Опустился он да со добра коня,
Брал свой тугой лук разрывчатый в белы ручки,
Натянул тетивочку шелковеньку,
Наложил он стрелочку каленую,
И он спущал ту стрелочку во бел шатер,
Говорил Илья да таковы слова:
«А лети-тко, стрелочка каленая,
А лети-тко, стрелочка, во бел шатер,
Да сыми-тко крышу со бела шатра,
Да пади-тко, стрелка, на белы груди
К моему ко батюшке ко крестному

И проголзни-тко по груди ты по белыи,
Сделай-ка ты сцапину да маленьку,
Маленькую сцапинку да невеликую,
Он и спит там, прохлажается,
А мне здесь-то одному да мало можется».
Й он спустил как эту тетивочку шелковую,
Да спустил он эту стрелочку каленую.
Да просвистнула как эта стрелочка каленая
Да во тот во славный во бел шатер,
Она сняла крышу со бела шатра,
Пала она, стрелочка, на белы груди
Ко тому ли-то Самсону ко Самойловичу,
По белой груди ведь стрелочка проголзнула,
Сделала она да сцапинку-то маленьку.
А и тут славный богатырь святорусский,
А й Самсон-то ведь Самойлович,
Пробудился-то Самсон от крепка сна,
Пораскинул свои очи ясные;
Да как снята крыша со бела шатра,
Пролетела стрелка по белой груди,

Она сцапиночку сделала да на белой груди,
Й он скорешенько стал на резвы ноги,
Говорит Самсон да таковы слова:
«Ай же славные мои богатыри вы святорусские!
Вы скорешенько седлайте-тко добрых коней,
Да садитесь-тко вы на добрых коней.
Мне от крестничка да от любимого
Прилетели-то подарочки да не любимые:
Долетела стрелочка каленая
Через мой-то славный бел шатер,
Она крышу сняла ведь да со бела шатра,
Да проголзнула-то стрелка по белой груди,
Она сцапинку-то дала по белой груди,
Только малу сцапинку-то дала, не великую;
Погодился мне, Самсону, крест на вороте,
Крест на вороте шести пудов;
Есть бы не был крест да на моей груди,
Оторвала бы мне буйну голову».
Тут богатыри все святорусские
Скоро ведь седлали да добрых коней,

И садились молодцы да на добрых коней
И поехали раздольищем чистым полем
Ко тому ко городу ко Киеву,
Ко тым они силам ко татарским.
А со той горы да со высокиеи
Усмотрел ли старый казак да Илья Муромец, -
А то едут ведь богатыри чистым полем,
А то едут ведь да на добрых конях.
И спустился он с горы высокиеи,
И подъехал он к богатырям ко святорусским;
Их двенадцать-то богатырей, Илья тринадцатый.
И приехали они ко силушке татарской,
Припустили коней богатырских,
Стали бить-то силушку татарскую,
Притоптали тут всю силушку великую
И приехали к палатке полотняной;
А сидит собака Калин-царь в палатке полотняной.
Говорят-то как богатыри да святорусские:
«А срубить-то буйную головушку А тому собаке царю
Калину».
Говорил старой казак да Илья Муромец:

«А почто рубить ему да буйная головушка?
Мы свеземте-тко его во стольный Киев-град,
Да й ко славному ко князю ко Владимиру».

Привезли его, собаку царя Калина,
А во тот во славный Киев-град,
Да ко славному ко князю ко Владимиру.

Привели его в палату белокаменну,
Да ко славному ко князю ко Владимиру.
То Владимир-князь да стольнокиевский

Он берет собаку за белы руки
И садил его за столики дубовые,
Кормил его ествушкой сахарнею
Да поил-то питьицем медвяным.

Говорил ему собака Калин-царь да таковы слова:
«Ай же ты, Владимир-князь да стольнокиевский!

Не сруби-тко мне да буйной головы.
Мы напишем промеж собой записи великие:
Буду тебе платить дани век и по веку

А тебе-то, князю я Владимиру!»
А тут той старинке и славу поют,

Илья Муромец и Калин - царь

А по тых мест старинка и покончилась.